

Герои

...которые сумели устоять перед отливом, которые закалились в борьбе с врагами колхозов, которые отстояли колхозы и удержали в своих руках великое знамя колхозного движения
...которые завоюют на сторону социализма миллионы и миллионы крестьянства
...которые вполне заслуживают того, чтобы назвать их героями колхозного движения.

(СТАЛИН. «Ответ товарищам колхозникам»)

После массового отлива, вызванного перегибами, из колхоза с громким именем «Сын гиганта», села Лучинского, их осталось 11 хозяйств.

11 хозяйств, «которые сумели устоять перед отливом и удержали в своих руках великое знамя колхозного движения» (Сталин).

11 хозяйств — 3 середняка и 8 бедняков энтузиастов и... 2 лошади, 4 кое-как наскрёбанных набора сбури, сбродный, наполовину негодный инвентарь.

А посевная кампания близилась, предъявляя колхозникам не могущий быть отсроченным счёт за право на существование, за право называться колхозом. С другой стороны на них грозно обрушилась глыба ненависти единоличников.

Вызвана она была отчасти перегибами — конкретные виновники были далеко, а колхозники — под руками — отчасти где-то далеко засевающим червяком сомнения в правоте своего ухода из колхоза.

Если бы не было этих 11, было бы иначе. Но вот они остались, значит, можно было как-то иначе ответить на перегибы, значит действительно от колхоза можно ждать лучшей жизни.

Слепая эта ненависть раздувалась, как огонь под горном мехами, неправильно раскулаченными (восстановленными), обозлёнными середняками, вернувшимся в «лоно» попом Нардовым, зажиточными.

Во враждебном этом окружении колхозники не видели ниоткуда помощи. Член сельсовета И. И. Сидоров решительно встал «по ту сторону баррикады» — в ряды врагов и гонителей колхоза. Райколхоз был далеко и пока в растерянности проходящего головокружения не давал о себе знать.

На баррикадах классовых битв

Формы борьбы многообразны и часто «вверху» трудно себе представить, как мучительно и больно бьют мелочи.

Колхоз, как он есть, монолитен и целен только на своих полях. Колхозники же разбросаны со своими избушками по всему селу. Рядом — и напротив, и на задах — враг.

И повседневно, ежеминутно, как угорелые от жары слепни, летают, жалят, язвят злые слова, угрозы, насмешки, запугиванья.

Колхозным ребятишкам одно время нельзя было показать носа на улицу. Бессознательно воспринимая от родителей заряд ненависти, маленькие воинствующие одиночники нападали на них гурьбой и избивали.

Колхознице, поднявшей неловко чугуи и сорвавшей «нутро», местное медицинское светило — бабка — отказывалась помочь.

— Согнуло тебя, сволочь, ну и ходи так.

Мелочи. Допустим. Но в особенности от женщин колхозниц эта постоянная, систематическая травля требовала высшего проявления героизма, ежечасного, ежеминутного.

Есть факты и покрупнее.

В дом выселенного попа (ему не принадлежащий, а переданный «во владенье» по частной записке смотавшим удочки лавочником вместе с бывшей «обдираловкой» лавкой-пристройкой) колхозники вселили беднячку, безмужную мать двоих детей.

А чья-то не в меру услужливая, злой волей направленная рука за это время поторопилась разрушить её старую избушку — вытащены рамы, двери, разобрана печка.

Между тем поп вернулся и для подлинно несчастной женщины настали невыносимые дни.

— Сволочь, нахалка, бессовестная... Всё одно выморим, уйдёшь. Пол придём батюшке мыть — в воде щенят твоих перетопим, — надрывались поповские прислужники.

Однажды сам поп, в сопровождении ранее упомянутого члена сельсовета Сидорова, явился к ней в то время, как она колола сучки у двора. Схватив лежавший топор, Сидоров замахнулся на неё с криком:

— Скоро ли выселишься, гадина?

Истерзанная женщина бросилась к единственной защите — председателю колхоза. Он составил акт, но... как говорится, «принять по нему меры» никто не захотел, так как свидетелей «сему делу» не нашлось. Все видели и... все молчали.

— Ты ведь врешь, — наступил на беднячку Сидоров в присутствии председателя.

— Какое уж враньё, когда едва сбежала!

— А! Так? Ну, попомнишь меня, Егорова, — в ярости крикнул он уходя.

Теперь руководители колхоза в тяжком недоумении — куда выселить Егорову и нужно ли её выселять? А борьба становится не под силу.

Не так давно в Лучинском был пожар. Через дом от горевшего (на краю деревни) был дом колхозника Ив. Пав. Федотова. Ветер был в сторону деревни, о чём без слов говорит выгоревшая трава. А пожарную машину направили на «зады». Федотов пытался доказать, что отстаивать нужно деревню, так как сгореть может весь ряд.

— А, свой дом отстаиваешь, колхозник проклятый! — набросились на него.

Федотов пытался повернуть машину, на него кинулась толпа с кольями. Спасли его, уж избитого, прибежавшее женщины-колхозницы (мужчины были далеко в поле), затолкав в пруд.

Иначе Федотову был бы тут «каюк».

Интересно, что приехавший из Переславля пожарный инструктор Кумашенский (племянник попа Нардова), вместо осмотра пожарища, выяснения направления ветра и так далее, заехал к дядюшке. Поговорив, составил на Федотова акт за «самовольный поворот машины» и с тем уехал.

Довольно? Нет, борьба не кончилась.

Первомайский бой за землю

К весне оказалось в Лучинском 31 гектар земли отказавшихся.

Тот же член сельсовета Сидоров, скрыв это от колхоза, отдал землю единоличникам. Получилось, что им приходилось теперь земли по 0,96 гектара на едока, а колхозникам 0,84.

Узнав об этом, колхоз вызвал земельную комиссию, которая и постановила: землю обязательно отдать колхозу, и выделила участок.

После отъезда комиссии единоличники заявили:

— Вилы, колья возьмём, а землю не дадим.

Назавтра было 1 мая. К этому времени колхоз получил подкрепление — 6 лошадей, парные плуги, сбрую из райколхоза. «Летучее» собрание «обсудило положение». И решили идти напролом.

...Утро первого мая... От дома председателя колхоза вдоль по улице двинулся «батальон». Тяжёлая артиллерия — плуги, впряжённые в пары лошадей, шли впереди. За ними — пехота: колхозники со знамёнами и флагами. А совсем сзади — «прикрытие»: старики, старухи, дети. Ни один «едок» колхоза не остался дома. С песней, с тревогой и неизбежной преданностью колхозу шли они на «завоевание земли».

Единоличники провожали их изумлёнными глазами, не удержавшись от восхищения красотой организованности.

Колхозники выехали в поле и три раза обпахали глубокой бороздой участок, выделенный комиссией.

Тревога ещё не прошла. А ну-ка всё-таки единоличники выедут пахать на эту землю.

Однако проведённая борозда оказалась волшебной. Непоколебимую силу большевистского упорства почувствовали единоличники в своеобразной первомайской демонстрации колхозников.

И... перед ней преклонились. Никто «заколдованной черты» не переступил.

Знаем ли мы их? А их сотни...

Говоря о борьбе лучинцев за колхоз, нельзя забыть Павла Фадеевича Ефимова. От того, удержится ли он в колхозе или нет — зависела судьба колхоза. Он беспартийный середняк, обладатель одной из двух лошадей. И тому, как он дрался за колхоз, на куски рвя жизнь, у него можно и должно учиться.

Жена его вышла из колхоза. Он остался. Трижды в его отсутствие она вводила из общественной конюшни лошадь, заявляя:

— Когда убьёшь меня, возьмёшь лошадь и будешь в колхозе.

Трижды он вводил лошадь обратно.

Раскол коснулся и ребят. Одни за другим они отходили к отцу. В конце концов жена осталась одна, но всё-таки взяла себе землю.

— Умру, а в колхоз не пойду!

В огне ссор, брани, слёз выковывал Ефимов свою стальную стойкость. И она победила: недавно жена его тоже вступала в колхоз.

У большевистской весны колхоз, «закалившийся в борьбе с врагами», в долгу не остался. Сев закончен. Ни одного клочка не осталось не обсеменённым.

Уже подтروен пар.

— Было бы ещё сколько же земли, ещё бы запахали и засеяли, — говорят колхозники.

— Работали, как черти, — отдают им должное единоличники. Вражда ещё не улеглась, но во «вражеском фронте» прорывы. Бедняки и часть середняков начинают поворачиваться лицом к колхозу.

А умелым, дельным хозяйствованием и богатыми его результатами они привлекут к себе и середняка.

И вражда между колхозниками и единоличниками станет легендой. На место её встанет дружное сотрудничество и неуклонный, неудержимый рост колхоза.

Герои, «устоявшие в борьбе за колхозы», выполнят и вторую задачу:

«завоюют на сторону социализма миллионы и миллионы крестьянства». (Сталин.)

Старый приятель.